

II.

Умственные теченія.

Изъ независимости первобытной и безплодной, независимости дикарей, которая длилась до введенія христіанства, Русь сразу попала подъ иго суровой и, по-своему, не менѣе дикой морали, осуждавшей

во всѣхъ областяхъ свободу знанія, свободу творчества и даже свободу существованія. Всѣ живыя силы, которымъ челоуѣчество обязано своимъ благородствомъ, были отринуты и прокляты этимъ ученіемъ. Проклятъ міръ свободной науки, какъ средоточіе ереси и безбожія; проклятъ міръ свободного творчества, какъ орудіе разврата; проклята даже сама жизнь съ ея радостями и счастьемъ, съ ея мірскими удовольствіями, какъ нѣчто позорное. И вотъ замолкли баяны при дворахъ князей. Въ лѣтописяхъ оживленный тонъ и поэтическіе обороты, свойственные писателямъ XI и XII вѣка, уступили мѣсто сухому, дидактическому повѣствованію, искажавшему, даже изгонявшему тотъ эпическій элементъ, которымъ оно само пользовалось. Даже простая бесѣда, если она отклоняется отъ религіозныхъ предметовъ, подвергается анаѣмѣ. Воздержаніе подъ всѣми видами стало главнымъ жизненнымъ правиломъ. Во многихъ семьяхъ съ малолѣтства приучаютъ дѣтей обходиться безъ молока! Въ два года они должны соблюдать всѣ посты. Только три раза въ недѣлю разрѣшается ѣсть мясо, и сношенія между супругами запрещены три раза въ недѣлю, въ дни праздничные и въ теченіе всего поста. Русскимъ компиляторамъ византійскихъ писателей хорошо извѣстны слова Катона: «мы управляемъ міромъ, а женщины управляютъ нами». *Пчела* ставитъ это изреченіе на видное мѣсто, такъ же какъ и слова Демокрита, мужа крошечной женщины: «Я взялъ наименьшее зло!» Руководясь тѣмъ же принципомъ, Церковь разсматриваетъ женщину, какъ главное орудіе діавола въ его растлѣвающей работѣ. Она проклинаетъ ее, а, вмѣстѣ съ нею, и всѣ формы искусства, вдохновительницей котораго женщина была всегда и вездѣ.

Въ жизни религіозной эта тенденція упиралась въ тупикъ бессмысленнаго формализма тѣхъ учителей Церкви, которые даже въ манерѣ носить бороду и одѣваться видѣли вѣчныя истины, непреложныя догматы. Послѣ Флорентійской уніи и признанія національной Церкви единственной носительницей священныхъ традицій, форма становится скиніей, священнымъ ковчегомъ, гдѣ хранится вѣра. Внѣ его—одинъ лишь латинскій раціонализмъ, безразлично католическій или протестантскій,—источникъ ереси и безбожія въ томъ и другомъ случаѣ. Умствованіе также не допускается, и, устраняя такимъ образомъ самый необходимый факторъ всякаго прогресса, Москва въ интеллектуальномъ отношеніи становится ниже Византіи, гдѣ споры о догматахъ всегда сохраняли свою силу. На Руси, начиная съ XII в.,

подвергаются обсужденію такіе, напримѣръ, вопросы: «священникъ, который не спалъ ночью послѣ ѣды, можетъ ли служить утромъ обѣдню?—Можетъ ли онъ также служить обѣдню, если къ его облаченію пришить женскій платокъ?» Даже проповѣди, если онѣ сохранились, касаются только вопросовъ обрядности: «ходить ли во время службы противъ солнца или посолонь? Креститься тремя или двумя перстами?» Первый церковный соборъ, созданный Иваномъ IV, разбираетъ снова эти вопросы и предаетъ отлученію всѣхъ, слагающихъ двуперстное крестное знаменіе.

Вѣра, отождествленная съ обрядностью, сводитъ благочестіе къ исполненію внѣшнихъ формъ культа, къ соблюденію постовъ, къ долговому стоянію въ церкви. Исповѣдь, въ качествѣ акта благочестія внутренняго, отступаетъ на второй планъ. Наиболѣе усердные говѣютъ только одинъ разъ въ годъ. Самые добросовѣстные считаютъ возможнымъ скрыть часть своихъ грѣховъ. Все замѣнили духовныя церемоніи. Онѣ становятся все пышнѣе, пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе театральный характеръ. Такова, напримѣръ, процессія въ Вербное воскресенье, когда митрополитъ верхомъ на ослиати обѣзжаетъ церкви и благословляетъ народъ, разстилающій свои одежды подъ копыта символическаго животнаго. Таково дѣйство трехъ отроковъ въ печи огненной: *амвонъ* замѣняется большой печью, куда со сложными обрядами вводятъ трехъ юношей, одѣтыхъ въ бѣлое. Конечно, усердіе не доходитъ до того, чтобы ихъ сжечь на самомъ дѣлѣ.

Религіозное чувство оставалось очень интенсивнымъ; но оно блуждало по ложнымъ путямъ, попадало въ непроходимыя дебри. Въ то время, какъ Домострой совѣтовалъ прочитывать по шестисотъ разъ такую-то молитву, обѣщая, что черезъ три года въ молящагося воплотится Пресвятая Троица,—шли споры о томъ, можно ли переступить безъ грѣха черезъ порогъ родильницы и считать ли нечистымъ молоко только что отелившейся коровы. Такъ чувственность подстерегала и захватывала благочестивыя души на невѣрныхъ путяхъ, а суевѣріе разставляло имъ другія сѣти. Финскій элементъ, еще полужызычeskій, чувствовался въ безконечно растяжимой сферѣ этихъ «дѣйствъ», гдѣ открыто царилъ духъ язычества. На сѣверѣ всѣ принадлежности древняго культа, его вѣрованія и обычаи,—до XVIII в. сохраняли свою силу среди населенія, этнографически менѣе податливаго для славянскаго покоренія и умственно менѣе доступнаго

христіанскому вліянню. Успіхи того и другого долго здѣсь обозначались островами, колоніями, вкрапленными тамъ и сямъ на огромномъ разстояніи.

Еще недавно карта Кешена обнаружила въ доброй половинѣ населенія Россіи преобладаніе чертъ, характерныхъ для чуди. Эта раса особенно суевѣрна. Природа здѣсь всегда угнетала человѣка. Непроходимые лѣса, огромныя скалы, каменные пустыни, или непрерывныя вереницы озеръ и болотъ: естественно, эта страна внушаетъ ужасъ. Слухъ наполненъ шумомъ низвергающихся водъ или вѣчнымъ ревомъ свирѣпыхъ вѣтровъ. Сѣверныя сіянія ослѣпляютъ глаза мрачными отблесками пожаровъ. Блуждающіе огни надъ стоячими водами пугаютъ воображеніе. Кроважадный медвѣдь или ядовитая гадюка грозятъ жизни на каждомъ шагѣ. И, вотъ, изо всего этого финнъ создалъ себѣ религію, которая является сплошнымъ содроганіемъ ужаса. Его боги скорѣе дѣти Аримана, чѣмъ Ормузда. Каждое дерево, каждый кустъ—жилище враждебнаго духа. И противъ нихъ одно спасеніе: колдовство. Священникъ и колдунъ — одно и то же. Искусственное подражаніе голосамъ враждебной природы успокаиваетъ вѣчно злобныхъ духовъ. Въ этомъ вся суть вѣры, распространенной на огромномъ континентѣ отъ Уральскаго хребта до японскихъ и китайскихъ морей, отъ мрачныхъ береговъ Ледовитаго Океана до пустынныхъ Гималайскихъ вершинъ. Здѣсь весь смыслъ богослуженія на этомъ пространствѣ, гдѣ религіозный обрядъ состоитъ въ подражаніи шуму и движенію разнузданныхъ стихій. Барабаны, гонги, колокольчики и крики точно безумствуютъ. Священникъ, жрецъ остяковъ, *шаманъ* пляшетъ вокругъ огня и бьетъ въ барабанъ, а присутствующіе стараются покрыть этотъ шумъ дикимъ крикомъ до той минуты, когда изступленнаго, закружившагося жреца подхватятъ два человѣка, и, накинувъ ему веревку на шею, чуть не задушатъ. Оглушительный шумъ, видъ пламени, судороги и стискиваніе гортани приводятъ его въ состояніе экстаза, во время котораго духъ снисходитъ на этого галлюцинирующаго пророка.

Бессознательно стремясь къ побѣдѣ надъ природой, эти обряды, несомнѣнно, имѣютъ въ своей основѣ великое освободительное стремленіе человѣческаго духа утвердить свое превосходство и закрѣпить свои благороднѣйшія побѣды. Но здѣсь все остановилось на первой ступени развитія, и сѣверная Русь долго не шла дальше лепета религіозныхъ инстинктовъ, дальше азбуки духовной эман-

ципации, дальше первобытныхъ обрядовъ. Еще въ XVI вѣкѣ финскія племена *Водьской-Пятины* — теперешней С.-Петербургской губерніи—поклонялись камнямъ и деревьямъ и приносили имъ жертвы. Міръ оставался для нихъ населеннымъ фантастическими существами. Такова крылатая гадюка съ птичьей головой и съ хоботомъ, могущимъ распространить погибель на всю землю; таковъ десятиглавый змѣй; таково растеніе въ видѣ барана, приносящее ягнятъ. Тогдашніе русскіе показывали иностранцамъ шапки съ опушкой изъ мѣха этихъ необыкновенныхъ животныхъ!

Иногда православное духовенство боролось съ этими суевѣріями, а иногда и покровительствовало имъ. Нѣкоторые его члены сами писали колдовскія книги, удачно вводили ихъ въ духовную литературу и получали отъ этого большія выгоды. Даже въ монастыряхъ встрѣчались заклинатели духовъ. Въ концѣ вѣка у Грознаго въ свитѣ имѣются колдуны. Въ самыхъ богомольныхъ христіанскихъ семьяхъ нѣкоторые языческія божества сохраняютъ свое мѣсто у очага. Таковы *родъ* и *рожаницы*, отъ которыхъ зависѣли смерть и рожденіе человѣка, и которыя требовали жертвоприношеній. И изъ этихъ жертвенныхъ даровъ, *жутья*, блюдо, изготовляемое для поминокъ, была принята Церковью!

Подъ вліяніемъ тѣхъ же суевѣрій малѣйшія житейскія происшествія пріобрѣтали таинственный и пророческій смыслъ. Трещать стѣны, шумить въ ушахъ, чешутся пальцы—это къ дорогѣ; крикаютъ утки, дрожатъ вѣки—къ скорому пожару. Подъ общимъ именемъ *Рафлей* разумѣлась цѣлая литература, содержащая объясненіе примѣтъ, а также толкованіе сновъ, которымъ приписывалось большое значеніе. Беременные женщины кормили хлѣбомъ медвѣдей, во множествѣ водимыхъ *скоморохами* и по ихъ ворчанію узнавали, какого пола родится ребенокъ. Скоморохи были колдунами и снотолкователями, жрецами полу-христіанскаго, полу-языческаго культа, между которыми дѣлилась вѣра населенія; они пользовались уваженіемъ, уничтожить которое не въ силахъ были всѣ громы церкви. Они умѣли отвращать гнѣвъ высшаго существа отъ человѣка тѣмъ, что давали носить подъ лѣвой мышкой правый глазъ орла, завернутый въ платокъ. Они вынимали слѣдъ—брали немного земли изъ подъ ноги человѣка, отъ котораго надо было избавиться—и онъ былъ уже приговоренъ къ смерти. Стоило бросить землю въ огонь,—и человѣкъ начиналъ сохнуть. Все это не мѣшало помнить объ ангелахъ, призываемыхъ

вначалѣ всякаго труда, о Св. Никитѣ, изгонявшемъ демоновъ изъ жилищъ, когда прибѣгали къ его помощи. Язычество и христіанство, религія и суевѣріе сплетались, соединялись смѣшивались. Въ почтовыхъ сборищахъ, сопровождавшихъ нѣкоторые праздники, какъ, напримѣръ, канунъ Иванова дня, канунъ Рождества, Крещенья или Васильевъ день—воздавался одинаковый почетъ и Богу, и сатанѣ. Въ субботу, наканунѣ Троицы, плясали на кладбищахъ, испуская жалобный вой. Въ великій четвергъ сжигали солому, чтобы вызывать мертвыхъ и брали изъ-за церковнаго престола щепотку соли, вѣрное средство отъ нѣкоторыхъ болѣзней.

Въ XVI вѣкѣ суевѣріе было распространено по всей Европѣ, уживаясь при самыхъ изысканныхъ дворахъ, даже въ самомъ Ватиканѣ. Мы не говоримъ уже объ астрологахъ, съ которыми Павелъ III совѣтовался во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, выдавая за представителей науки; но не возвѣстило ли паденіе совы близкаго конца Александру VI? На Руси—это время совпало съ самымъ пышнымъ расцвѣтомъ такихъ вѣрованій; они служили главнымъ основаніемъ для умственной жизни, лишенной другой существенной пищи. Ими жила и литература до самаго новаго времени; ничѣмъ другимъ почти не утолялась жажда читателей.
